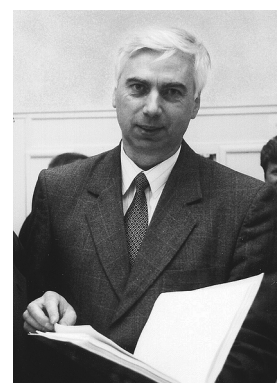


МНЕНИЯ



Гущин В.И.

К событиям 1940 года в Латвии

Гущин Виктор Иванович, кандидат исторических наук, директор Балтийского центра исторических и социально-политических исследований, Латвия.

E-mail: viktor.gushchin@gmail.com

Второй номер журнала «Пространство и Время» поместил на своих страницах материал В.А.Золотарева и А.С.Орлова «Геополитические изменения структурного порядка»: о разграничении «сфер интересов» СССР и Третьего рейха в Восточной Европе и на Балканах (1939–1941)». Хотелось бы продолжить разговор на эту тему, по-прежнему остающуюся актуальной и в России, и в Латвии.

В 2010 г. исполнилось 70 лет со дня вступления Латвии в СССР. Руководитель исследовательских программ фонда «Историческая память» Владимир Симиндей в этой связи отметил, что в 1917 – первой половине 1919 гг. Латвия была самой большевизированной территорией бывшей Российской империи. Именно большевистский настрой части населения вкупе с недовольством многих социальных слоев, а также национальных меньшинств социальной и национальной политикой государства после переворота 15 мая 1934 г. и предопределил выбор жителей Латвии в 1940 г. Спустя 50 лет на эти события стали смотреть по-другому. Определяющей стала позиция реваншистски настроенной радикальной части западной латышской эмиграции, представленной как бывшими сторонниками этнократического режима Карлиса Ульманиса (1934–1940), так и бывшими нацистскими коллаборационистами периода гитлеровской оккупации Латвии.

На состоявшемся 2 июня 1988 г. Пленуме творческих союзов Латвии впервые было заявлено, что в Латвии летом 1940 г. не было никакой революционной ситуации. На деле сталинский СССР, следуя положению Секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г., в соответствии с которым страны Прибалтики были включены в сферу влияния СССР, якобы оккупировал Латвийское государство, насильственно прервав его независимое развитие.

Глашатаем этой широко распространенной в среде радикально настроенной части западной латышской эмиграции версии событий 1940 г. стал преподаватель Латвийской Академии художеств Маврик Вульфсон. В своем выступлении на пленуме он, в частности, сказал: «Нужно научиться смотреть правде в глаза, какой бы она иногда ни была трудной и даже непереносимой. Следуя этому призыву, ..., мне хочется высказать несколько мыслей относительно того искаженного толкования, которое мы все еще даем событиям 1940 года в Латвии, ставшим исторической поворотной точкой в судьбах латышского народа. За последние месяцы я получил сотни писем со всей республики, авторы которых – учителя, работники культуры, агрономы, историки, земледельцы, люди старшего поколения, пережившие лето 1940 года. Они категорически отвергают нашу версию о революционной ситуации. Они оказывают очень большое влияние на молодое поколение. И высказывают убеждение, что установление советской власти было предрешиено первым пунктом секретного протокола, приложенного к договору о ненападении между СССР и гитлеровской Германией от 23 августа 1939 года. Он определил судьбу Латвии».

К истории происхождения тезиса об оккупации Латвии

После 1945 г. на Западе неоднократно поднимался вопрос о якобы незаконном присоединении к СССР в 1940 г. независимых прибалтийских государств. Так, 28 сентября 1960 г. Консультативная ассамблея Совета Европы заслушала подробный доклад представителя Дании о судьбе прибалтийских стран. Тогда была принята резолюция № 189 «О ситуации в прибалтийских государствах в годовщину их принудительной инкорпорации Советским Союзом». Речь шла о незаконной инкорпорации территорий независимых государств без предоставления возможности народам выразить свое волеизъявление. Резолюция содержала констатацию того, что большая часть правительств стран свободного мира продолжает признавать *de jure* существование независимых прибалтийских государств. В то время в состав Совета Европы входили 15 государств: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Турция, Франция, Швеция.

13 января 1983 г. Европейский парламент при участии депутатов 10 государств принял резолюцию, в которой осудил оккупацию Советским Союзом прежде независимых и нейтральных прибалтийских государств, начавшуюся в 1940 г. в результате заключения пакта Молотова-Риббентропа и продолжавшуюся на момент принятия документа. 28 января 1987 г. Парламентская ассамблея Совета Европы приняла еще одну резолюцию о положении прибалтов, в которой напомнила о том, что инкорпорация этих стран в состав СССР остается вопиющим нарушением прав наций на самоопределение².

Чем обусловлены эти резолюции? Отвечая на этот вопрос, нужно помнить, что из трех диктаторов прибалтийских стран лишь диктатор Литвы А.Сметона не признал перемен и бежал из страны. Это обстоятельство позволило литовской общине в США уже летом 1940 г. заявить об «оккупации» Литвы Красной Армией. В Соединенных Штатах 1940 г. был годом президентских выборов. Рузвельт сомневался в повторном избрании на президентский пост и потому хотел заручиться поддержкой проживающих в Америке многочисленных литовцев. Во исполнение требования этих литовцев Рузвельт дал указание государственному секретарю США Самнеру Уоллесу подписать соответствующую декларацию, что тот и сделал 23 июля, подписав декларацию о непризнании инкорпорации (инкорпорации, а не оккупации! – В.Г.) в состав СССР не одной лишь Литвы, а сразу всех трех государств Балтии³.

После окончания Второй Мировой войны многие европейские страны охотно поддержали американскую трактовку событий 1940 г. в Латвии, Литве и Эстонии. И в этом нет ничего удивительного, ведь Европа в это время не только развивалась по разработанному в США экономическому сценарию (план Маршалла), но и активно участвовала в идеологическом противостоянии стран Запада и СССР, продолжение которого, после краткого периода сотрудничества в годы войны, четко обозначила речь У.Черчилля в марте 1946 г. в Фултоне.

Существование в США сильного антисоветского и русофобского литовского лобби, политически намного более влиятельного, нежели латышское или эстонское лобби, и сегодня существенно влияет на тональность американской и европейской политики на балтийском направлении.

В октябре 2005 г. в Латвии с визитом находился республиканец Джон Шимкус, член палаты представителей Конгресса США от штата Иллинойс, родители которого прибыли в Америку из Литвы. Весной 2005 г. Д.Шимкус был одним из главных инициаторов принятия Конгрессом США резолюции по осуждению «оккупации» стран Балтии в 1940 г.⁴ Другой американский литовец – руководитель литовской общины в США В.Мачун – стал одним из главных организаторов кампании по подаче исков в американские суды с требованием к России возместить нанесенный Литве «за долгие годы советской оккупации» моральный и материальный ущерб⁵. Таким образом, выборы 1940 г. в США и наличие в этой стране сильной литовской общины стали важными причинами появления тезиса об «оккупации» стран Балтии.

А политика антисоветизма и русофобии, которая определяла отношение Запада к СССР в течение всего времени его существования, как к государству с иным общественным строем и иной государственной идеологией, обеспечила этому тезису долгую жизнь. Тем более, что политика самого сталинского и послесталинского СССР, начавшего массовые репрессии сразу после того, как прибалтийские государства обрели статус союзных респуб-

¹ Вульфсон М. Об истории – честно. Речь на Пленуме творческих союзов Латвии 2 июня 1988 года. – Цит. по книге: Вульфсон Маврик. Карты на стол. Рига: Jumava, 1999. С. 168.

² Шац-Марьяш Р. Калейдоскоп моей памяти. Рига: Acis, 2003. С. 299–300.

³ Диена. 1994. 22 окт.

⁴ Кабанов Н. Джон Шимкус, балтофил с Капитолия // Вести сегодня. 2005. 13 окт.

⁵ ASV dzīvojošos lietuviešus aicina sūdzēt tiesā Krieviju // Latvijas Avīze. 2005. 30. dec.

лик в августе 1940 г., и продолжавшего их вплоть до начала 1960-х гг., создавала серьезные предпосылки не только для сохранения, но и для усиления на Западе политики русофобии и антисоветизма. В тех же США государство продолжило финансировать деятельность дипломатической миссии довоенной Латвии в Вашингтоне. Руководитель миссии А.Динбергс не только отказывался признать выбор, сделанный народом Латвии в 1940 г., но и выступал с активных антисоветских и русофобских позиций. Тезис об оккупации Латвии активно пропагандировало и латышское эмигрантское радио в США и Англии, деятельность которого оплачивали американские и английские спецслужбы и работники которого официально считались сотрудниками этих спецслужб¹.

В Германии с антисоветских и русофобских позиций выступал бывший переконкрустовец и нацистский коллаборационист Адольф Шилде, известный также как весьма плодовитый историк. В период немецко-фашистской оккупации А.Шилде активно участвовал в работе организации Tautas Palīdzība², вплоть до 1990 г. он являлся в Германии «представителем интересов Латвии». Как это ни удивительно, но в 1988 г., в период проведения в СССР политики перестройки и гласности именно антисоветская и русофобская трактовка А.Шилде событий 1940 г. в Латвии была принята Народным Фронтом Латвии без какой бы то ни было критики. «Рупором» этой трактовки и стал М.Вульфсон, выступление которого на объединенном пленуме союзов творческих работников Латвии в июне 1988 г., – это выступление еще и сейчас оценивается многими как прорыв к замалчиваемой коммунистами исторической правде, – по сути, запустило маховик радикального национализма в Латвии.

Таким образом, политическая (а не правовая) оценка в Европе и США событий 1940 г. в Латвии как оккупации, – это результат глобального идеологического противостояния СССР и капиталистического мира и стремления последнего к уничтожению СССР. Именно это противостояние привело со временем к тому, что на Западе в сознании очень многих людей тезис об оккупации стран Балтии в 1940 г. стал непререкаемой идеологической догмой, которая не требовала никаких исторических и юридических доказательств. С распадом СССР эта идеологическая догма не только не утратила своей политической актуальности, но, наоборот, стала основой для поддержки Западом той политики русофобии, которой в отношениях с Россией после 1991 г. стала придерживаться политическая элита стран Балтии.

Декларация об оккупации Латвии

16 мая 1996 г. в латвийском парламенте случился скандал. При обсуждении представленного фракцией «Латвийей» законопроекта «Об оккупации Латвии» депутат от Социалистической партии А.Голубов с трибуны парламента заявил, что Латвия встретила войска СССР как освободителей, а не как оккупантов. Это заявление вызвало «бурю возмущения и свист в зале пленарного заседания Саэйма»³. Из 77 присутствовавших на заседании депутатов за передачу документа комиссиям проголосовали 69 депутатов, против – 7 (А.Барташевич, М.Бекасов, О.Денисов, А.Голубов – не принадлежащие к фракциям, Я.Юрканс, Л.Сташ – Партия народного согласия и В.Калиберз – Партия единства), а депутат М.Луянс (не принадлежащий к фракциям) воздержался.

Текст законопроекта содержал два основных вывода: 1) в событиях 1940 г. в Латвии виновны исключительно внешние силы и 2) действия СССР в отношении Латвии привели сначала к оккупации, а затем и к ликвидации независимого Латвийского государства. Оба этих вывода носили, если можно так выразиться, стратегический характер, поскольку: а) содержали косвенное оправдание национальной политики авторитарного и этнократического режима К.Улманиса, б) должны были оправдать проводимую после 1991 г политику разделения общества на граждан и лиц без латвийского гражданства, а также выдворения лиц без гражданства из страны. Как предельно откровенно в 2005 г. заявила В.Паэгле, председатель комиссии по иностранным делам Сейма Латвийской Республики, «если мы отказываемся от концепции оккупации, то ставим под угрозу нашу политику в отношении гражданства, в отношении неграждан и их прав (запрет на участие в муниципальных выборах) и других ключевых вопросов. Понятно, что на такой шаг мы пойти не можем»⁴. Текст законопроекта гласил:

«Саэйм Латвии обращается к своему народу и всем государствам мира.

Латвийское государство основано 18 ноября 1918 года и состоит из Видземе, Курземе, Латгале и Земгале со столицей Ригой. Секретный и преступный пакт (договор) Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 года между двумя тоталитарными государствами – коммунистическим Советским Союзом и национал-социалистской Германией – обрек Латвию на уничтожение, лишив ее независимости. 17 июня 1940 года, в соответствии с упомянутым пактом, нарушив нормы международного права и взаимные договоры, Советский Союз оккупировал Латвию, сменив государственное управление и общественное устройство, репрессировав правительство государства, и 5 августа, вопреки Сатверсме, без всенародного голосования присоединил ее к СССР, начав массовое перемещение и уничтожение невиновных лиц.

Летом 1941 года Латвию, в свою очередь, оккупировала национал-социалистская Германия, начавшая новый террор.

По завершении второй мировой войны Латвия повторно оказалась под оккупацией СССР. Отчасти это было легитимировано в феврале 1945 года на Крымской (Ялтинской) конференции соглашением между руководителями Великобритании, США и СССР, определившим границы и зоны влияния в послевоенной Европе. Эта последняя длительная оккупация, во время которой целенаправленно проводился геноцид, и Латвия в результате депортация по-

¹ Федосеев Л. Опубликуем всех? // Час. 2006. 27 окт.

² Кабанов Н. Тайна архива Шилде // Вести сегодня. 2005. 20 дек.

³ Депутат отрицает факт оккупации // Диена. 1996. 17 мая.

⁴ Вести сегодня. 2005. 21 мая.

теряла значительную часть населения, юридически прекращена осенью 1991 года благодаря решительным и благородным действиям демократических сил России, стремлению латвийского народа к независимости и поддержке государств мира.

6-й Саэйм восстановленной независимой Латвии заверяет народ Латвии, а также другие народы и государства мира, что всегда будет придерживаться святой идеи демократии, свободы и права людей, не оглядываясь в прошлое с ненавистью и мстительностью, однако всегда будет неуклонно напоминать и просить понять трагическую судьбу латышей, последствия длительной и безжалостной оккупации и связанные с этим неизбежные различия в решении вопросов гражданства, языка и других вопросов национального самосохранения в Латвии.

Сознавая все это, Саэйм Латвии заявляет, что в период с 17 июня 1940 года по 21 августа 1991 года Латвия являлась оккупированным государством, и призывает Германию и Россию, а также Великобританию и США признать факт и результаты разрушительных оккупаций и вместе с другими демократическими государствами мира включиться в ликвидацию последствий оккупации¹.

22 августа 1996 г. депутаты Сейма приняли Декларацию «Об оккупации Латвии» в окончательной редакции. Одобренный ими текст был следующим:

«Высший представительный орган народа Латвии Саэйм этой декларацией обращается к странам мира и международным организациям, чтобы напомнить о трагической судьбе нашего народа и государства в XX веке.

Латвийская Республика была провозглашена 18 ноября 1918 года и 22 сентября 1921 года она стала членом Лиги Наций. Развитию Латвии как независимого государства положил конец заключенный 23 августа 1939 года двумя тоталитарными державами – национал-социалистской Германией и коммунистическим СССР – договор о ненападении (пакт Молотова-Риббентропа), целью которого был раздел Европы на сферы влияния. Нарушив основные принципы международного права, а также заключенные между Латвией и СССР договоры, 17 июня 1940 года вооруженные силы СССР оккупировали Латвию, и она была незаконно включена (аннексирована) в состав СССР. В итоге в Латвии были введены политический режим и правовая система СССР.

Летом 1941 года, с началом военных действий второй мировой войны на территории Латвии, ее оккупировала национал-социалистская Германия, которая установила свой режим, осуществляла депортации и другие репрессии против жителей, а также использовала территорию Латвии для уничтожения населения других оккупированных стран.

На заключительном этапе второй мировой войны СССР восстановил свой оккупационный режим в Латвии.

В 1944 г. к территории России была незаконно присоединена часть Абреного уезда (около 2000 кв. км.).

В течение всего времени оккупации СССР целенаправленно проводил геноцид против народа Латвии, нарушая, таким образом, принятую 9 декабря 1948 года Конвенцию о недопустимости геноцида и наказании за него. Оккупационный режим уничтожал невиновных людей, неоднократно проводил массовые депортации жителей и другие репрессии, жестоко расправлялся с теми, кто вооруженным или иным способом выступал за восстановление независимости Латвии, противоправно и безвозмездно отчуждал собственность жителей Латвии и подавлял проявление свободной мысли. Руководство СССР целенаправленно наводняло Латвию сотнями тысяч мигрантов и с их помощью пыталось уничтожить идентичность народа Латвии. В результате этой политики доля латышей как основной нации сократилась с 77 до 52 процентов.

Спустя десять лет после окончания второй мировой войны в Латвии продолжалось вооруженное сопротивление оккупации СССР. В движении сопротивления участвовали свыше 30 000 национальных партизан и их сторонников. После его подавления, несмотря на репрессии советского режима, сопротивление продолжалось в иных формах...

Саэйм Латвийской Республики заверяет, что Латвия, которая не держит зла и требует мести из-за прошлого, всегда будет настойчиво напоминать и призывать к пониманию трагической судьбы своего народа, так как длившаяся полвека оккупация вызвала тяжелые, трудно преодолимые собственными силами последствия...

Поэтому Саэйм Латвийской Республики от имени народа призывает страны мира и международные организации:

- признать факт оккупации Латвии;
- помочь Латвии ликвидировать последствия оккупации, оказывая ей политическую и экономическую помощь;
- поддержать усилия тех лиц, которые желают вернуться из Латвии на свою этническую родину и из иностранных государств – на свою родину в Латвию.

Председатель Саэйма И.Крейтусе, Рига, 22 августа 1996 года»

Как видим, окончательный вариант текста Декларации был «усилен» ссылкой на незаконность присоединения к России части Абреного уезда (около 2000 кв. км), т.е. содержал недвусмысленные территориальные претензии к Российской Федерации. Кроме того, дабы подчеркнуть, что народ Латвии не желал мириться с ненавистной советской оккупацией, в тексте Декларации было добавлено, что и «спустя десять лет после окончания второй мировой войны в Латвии продолжалось вооруженное сопротивление оккупации СССР. В движении сопротивления

¹ Законопроект «Об оккупации Латвии» // Диена. 1996. 17 мая.

участвовали свыше 30 000 национальных партизан и их сторонников». Но, естественно, в тексте ничего не говорилось о том, что значительная часть этих «национальных партизан» – это были ушедшие в леса солдаты Латышского добровольческого легиона СС, надеявшиеся, что США и Великобритания начнут новую войну против СССР.

Международное право и события 1940 года

В свете принятой латвийским парламентом в августе 1996 г. политической Декларации «Об оккупации Латвии», а также тех политических оценок, которые после 1945 г. были приняты в Европе и США, правомерно ответить на вопрос, является ли факт оккупации Латвии летом 1940 г. признанным на уровне международного права.

В конце 1991 и начале 1992 гг. возник конфликт между будущим первым президентом Эстонии, а тогда министром иностранных дел Л.Мери, получившим пост министра еще в апреле 1991 г., т.е. при советской власти, и его заместителем – известным правоведом-международником, профессором Р.Мюллерсоном. Причина конфликта заключалась в том, что Р.Мюллерсон, анализируя документы, связанные с присоединением Эстонии к СССР, пришел к выводу, что оккупации не было. Все соглашения с Советским Союзом были подписаны президентом К.Пятсом – легитимным тогда главой государства – без каких-либо оговорок, комментариев или последующих заявлений¹.

Точно так же и президент К.Ульманис санкционировал своей подписью происходившие в 1940 г. в Латвии перемены. Тем не менее после 1991 г. правящие элиты Литвы, Латвии и Эстонии решили на уровне ООН добиться официального заявления по вопросу признания факта оккупации Советским Союзом в 1940 г. государств Балтии. Однако спустя три года было признано, что на уровне ООН невозможно не только решить эту проблему, но даже обсудить ее².

Свое объяснение этой ситуации в октябре 2001 г. предложил экс-премьер и экс-глава МИД ЛР, депутат 7-го Сейма В.Биркавс. На дискуссии, посвященной десятилетию работы в Латвии Миссии ООН, В.Биркавс признался: «Мы поняли, что лучше не требовать в ООН признания факта оккупации. Дело в том, что среди членов ООН половина стран – сами бывшие оккупанты, а половина – бывшие оккупированные государства. И если будет голосование по вопросу Латвии, то скорее всего голоса разделятся поровну. Нейтральный же результат будет истолкован как отрицательный. Вот видите, скажут нам, ООН отказалась признать факт оккупации Латвии. Поэтому сегодня с таким вопросом нам выходить не стоит»³.

Таким образом, на уровне ООН факт оккупации Латвии Советским Союзом летом 1940 г. не признан и, более того, не может быть признан. Несмотря на все призывы правящей элиты Латвии к странам мира и международным организациям признать факт этой самой оккупации. Почему же международное сообщество не готово признать факт оккупации Латвии? Отвечая на этот вопрос, оставим в стороне подсчеты, сколько сегодня среди членов ООН государств, которые в прошлом сами выступали в роли оккупантов, и сколько – в роли оккупируемых, и попытаемся дать ответ с позиций международного права, а также анализа того, как разворачивались события в Латвии летом 1940 г., т.е. с позиций внутриполитической истории страны.

В этой связи отметим, что в Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, подписанной в Гааге 18 октября 1907 г. (Отдел III. О военной власти на территории неприятельского государства. Ст. 42) дается следующее определение оккупации: «Территория признается занятой, если она действительно находится во власти неприятельской армии. Занятие распространяется лишь на те области, где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность»⁴. Международное право выделяет три вида оккупации:

– **имперскую**, при которой оккупируемая территория присоединяется к территории государства-оккупанта, лишаясь при этом полностью своего суверенитета. При имперской оккупации на оккупируемую территорию (на территорию колонии) переносится законодательство страны-оккупанта (метрополии), но население колонии не получает при этом прав граждан метрополии;

– **военную**, при которой оккупируемая территория не присоединяется к территории государства-оккупанта, но на оккупируемой территории прекращается действие местного законодательства и местных органов власти и им на смену приходит военный оккупационный режим, при котором население оккупированной территории не пользуется правами граждан государства-оккупанта;

– **гарантийную**, которая наступает в результате ввода войск одного государства на территорию другого государства в целях обеспечения этим (т.е. другим) государством условий заключенного ранее между двумя этими государствами договора. При гарантийной оккупации оккупируемое государство не утрачивает своего государственного суверенитета, происходит лишь его ограничение. Оккупируемая территория не включается в состав территории государства-оккупанта и, соответственно, законодательство страны-оккупанта не распространяется на оккупируемую территорию, однако действие местного законодательства временно (до выполнения оккупированным государством условий межгосударственного договора) ограничивается или вообще приостанавливается.

Ситуация в Латвии летом 1940 г. не подпадает ни под один из названных видов оккупации, включая и гарантийную оккупацию⁵, так как, и это очень важно иметь в виду, части Красной Армии на территории Латвии находились уже с октября 1939 г. (в соответствии с договором между СССР и Латвией от 5 октября 1939 г.) и так как размещение дополнительного контингента происходило с согласия Кабинета министров Латвии во главе с К.Ульманисом. После 17 июня 1940 г. Латвия сохраняет статус субъекта международного права. В

¹ Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. Изд. 2-е. М.: Институт социологии РАН, 2005. С. 196.

² См.: Sozanski J. International legal status of Lithuania, Latvia and Estonia in the years 1918–1994. Riga, 1995. P.107.

³ Элкин А. 10 лет без права передышки. Почему Латвия не требует в Нью-Йорке признания факта оккупации? // Вести сегодня. 2001. 19 окт.

⁴ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.memo.ru/Prawo/hum/haag07-1.htm>

⁵ Подробный критический разбор концепции «оккупации» см.: Черниченко С. Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения // Международная жизнь. 2004. №№ 7–8.

Латвии продолжают действовать такие институты государственной власти, как институт президента (до 21 июля эту должность продолжал занимать К.Ульманис) и Кабинет министров. До 5 августа 1940 г. на территории Латвии продолжает действовать и законодательство Латвийского государства.

Сторонники тезиса об «оккупации» Латвии, обосновывая свою позицию, заявляют, что Кабинет министров А.Кирхенштейна формировался под указку А.Вышинского и потому не может считаться законным. Однако К.Ульманис как высшее должностное лицо государства фактом своего признания этого состава Кабинета легитимизировал его власть. Оспорить это невозможно.

Вместе с тем признавая, что диктат А.Вышинского в вопросе формирования Кабинета А.Кирхенштейна имел место, следует признать и то, что в истории Латвии подобный диктат со стороны других государств – не первый и, очевидно, далеко не последний случай. В 1919 г. под диктовку стран Антанты был «написан» состав Кабинета К.Ульманиса, а в 1998 г. в результате беспрецедентного давления стран Европы и США Сейм Латвии утвердил поправки к закону о гражданстве, делающие этот закон значительно более либеральным. Однако ни в 1919 г. законность сформированного Кабинета министров, ни в 1998 г. легитимность принятых поправок к закону о гражданстве под сомнение никто не ставил.

Кстати, в январе 2007 г. огласке был предан еще несколько случаев, когда иностранные государства диктовали Латвии, как ей решать свои внутривнутриполитические вопросы. Заместитель председателя Сейма Карина Петерсоне тогда публично заявила, что посол США в Латвии Кэтрин Тодд Бейли «довольно резко» лоббировала одного из кандидатов на пост омбудсмена. В присутствии многих людей К.Т.Бейли резко возражала против выдвижения Р.Балодиса на пост омбудсмена и выражала поддержку другому кандидату – Р.Шилде-Карклине. Журналисты «Neatkarīga» Р.Розенберга и У.Дрейблатс пошли еще дальше и напомнили читателям, что после давления посольства США от должностей были освобождены несколько работников спецслужб и даже канцелярии президента Латвии. Посольство США неоднократно категорически выступало против кандидатов на пост министра обороны и министра иностранных дел. Под давлением посольства США было спасено правительство Эйнара Репше, после того как в сентябре 2003 г. против стиля работы Репше выступили многие политики тогдашней коалиции. А после ухода «Нового времени» из правительства в апреле 2006 года посольство США оказало серьезное давление на руководящих политиков, чтобы «Новое время» снова взяли в правительство. Все эти факты многие депутаты Сейма рассматривали как грубое вмешательство во внутренние дела Латвии¹.

«Это всецело политическая революция...»

Образованное после 17 июня 1940 г. правительство А.Кирхенштейна восстанавливает действие Сатверсме, приостановленное К.Ульманисом после государственного переворота 15 мая 1934 г., и объявляет о проведении выборов в Сейм, также распущенный К.Ульманисом в 1934 г.

Иностранные дипломаты в Латвии оценивали восстановление действие Сатверсме и организацию выборов в Сейм как позитивные для Латвийского государства перемены, как свидетельство того, что Латвия переживает переходный период от авторитарного режима к демократии. При этом очень важно подчеркнуть, что стимулом к проведению преобразований в стране, по мнению дипломатов, служило не присутствие в Латвии частей Красной Армии (которые, напомним еще раз, находились в республике с октября 1939 г.), а революционное движение народных масс.

Вот что сообщал, например, в Министерство иностранных дел Великобритании 5 июля 1940 г. британский посланник в Латвии К.Орд: «Новое правительство является по существу временным и его задачи (многие из которых уже выполнены) состоят: в восстановлении и видоизменении конституции, приостановленной после переворота К.Ульманиса в 1934 г.; в отмене шести сословных палат – тех, что были учреждены бывшим диктатором, чтобы создать видимость широкого народного представительства; в чистке государственного организма от элементов, ассоциируемых с прежним режимом; в амнистии политических заключенных; в обеспечении свободы печати, слова и организаций; в организации выборов, в которых латвийский народ свободно бы избрал своих представителей... Это всецело политическая революция – и ничто иное – осуществлена со сравнительно небольшими издержками и жертвами, исключительно ограниченными первыми ее днями...»².

При анализе событий лета 1940 г. определяющее значение имеет оценка состоявшихся 14 и 15 июля выборов в Народный Сейм. Верховный Совет ЛР, отрицая в 1990 г. законность этих выборов и, соответственно, законность принятых Народным Сеймом 21 июля 1940 г. Декларации о восстановлении в Латвии Советской власти и Декларации о вхождении Латвии в состав СССР, основывался на следующих соображениях:

- выборы проходили в условиях «оккупации и политического давления со стороны Москвы», поэтому они не могут быть признаны законными;
- из 17 списков кандидатов к выборам были допущены только 5 списков, представляющих Блок трудового народа Латвии, что свидетельствует о том, что выборы не были демократическими;
- результаты выборов были фальсифицированы.

Рассмотрим эти соображения внимательней.

Как уже говорилось выше, части Красной Армии находились на территории Латвии не с 17 июня 1940 г., а с октября 1939 г., однако ни в 1939-м, ни в первой половине 1940 г. правительство Латвии не заявляло о том, что присутствие войск другого государства не позволяет ему самостоятельно принимать решения. Как после 5 октября 1939 г., так и после 17 июня 1940 г. Красная Армия не вмешивалась в политическую жизнь страны, а если говорить конкретно о выборах 14 и 15 июля, то красноармейцы в них не участвовали.

Более того, если следовать логике Верховного Совета 1990 г., то выборы в Верховный Совет в 1990 г. являются

¹ Neatkarīga. 2007. 21. janv.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 112.

незаконными, в отличие от выборов в Народный Сейм в июле 1940 г. Объяснение этому выводу простое: в выборах в Народный Сейм солдаты и командиры Красной Армии не участвовали¹, в то время как в выборах в Верховный Совет участвовали все жители Латвии, включая и солдат и командиров Советской Армии, являвшейся по логике Верховного Совета армией страны-оккупанта, что позволяет признать результаты этих выборов недействительными.

Отказ в регистрации 12 из 17 избирательных списков (в 9 списках был выдвинут всего один кандидат и в 3 списках – несколько кандидатов), должен, безусловно, если речь не идет о нарушениях процедурного характера, рассматриваться как акт, нарушающий принципы демократии. Но здесь необходимо сделать одно существенное замечание: любая новая власть стремится защитить себя от элементов, ассоциируемых с прежним режимом. Так поступает абсолютно любая власть, которая еще не уверена в своей силе или, отметим это особо, не является демократической. Именно этим объясняется и решение Верховного Совета ЛР, запретившего после августа 1991 г. (без решения суда!) деятельность Компартии Латвии и ряда других организаций, и VI Сейма, не допустившего до выборов бывшего офицера КГБ СССР Ю.Боярса и других «бывших».

Что же касается вывода о фальсифицировании результатов выборов, то каких бы то ни было доказательств в подтверждение этой версии Верховный Совет не привел. И это не случайно, так как летом 1940 года настроения населения носили четко выраженный антиульманисовский и просоветский характер.

К.Орд, признавая наличие у населения Латвии летом 1940 года просоветских настроений, писал в МИД Великобритании, что «в нынешних обстоятельствах существует весьма реальная возможность, что в новом законодательном органе... будет создано значительное большинство, которое проголосует за немедленное вступление Латвии в Советский Союз на правах одной из его республик...»².

Другой английский дипломат, Мак-Киллоп, в телеграмме, направленной в МИД своей страны 19 июля 1940 г., указывал: «Массовые демонстрации, насчитывающие многие тысячи участников, прошли вчера вечером, чтобы отпраздновать успех трудящихся Латвии... Избирательный блок трудового народа требует создания Советов в Латвии как в 14-й советской республике или союза с СССР...»³.

Латвия между Германией и СССР

Не подлежит сомнению, что летом 1940 г. в Латвии была революционная ситуация, так как никакое давление со стороны Москвы не могло заставить тысячи людей в разных городах участвовать в демонстрациях под лозунгами «Да здравствует Советская власть!» и «Мы требуем присоединить нашу республику к Советскому Союзу!»

Среди причин, которые способствовали формированию в стране революционной ситуации, были:

– недовольство демократически настроенной части населения тем обстоятельством, что К.Ульманис 15 мая 1934 г. совершил антиконституционный государственный переворот и, уничтожив слабые еще ростки демократии, установил авторитарный режим власти;

– недовольство беднейших слоев населения сохранением в Латвии общества социального неравенства, при котором богатые становились еще богаче, а бедные, как и прежде, едва сводили концы с концами;

– недовольство национальных меньшинств резким ограничением их прав на культурно-национальную автономию в условиях реализации после 15 мая 1934 г. политики строительства мононационального латышского государства;

– резкое ухудшение экономической ситуации в стране после начала Второй Мировой войны, т.е. после 1 сентября 1939 г., так как внешнеэкономические связи Латвии после 1920 г. в основном были нацелены на страны Запада. Если в конце 1939 г. по официальным данным было зарегистрировано 4 тысячи безработных, то в марте 40-го года, по данным «Латвияс дарба централе», их уже насчитывалось свыше 44 тысяч⁴;

– наличие у демократической, или центристской, по своим политическим взглядам части населения иллюзий относительно возможности восстановления демократической республики с началом деятельности правительства А.Кирхенштейна и иллюзий у левой по своей политической ориентации части населения относительно создания в Латвии общества социального равенства и всеобщего благоденствия по примеру СССР, где такое общество уже якобы было создано;

– недовольство широких слоев населения прогерманской политикой руководства Латвии и страх большей части населения перед возможностью восстановления в Латвии многовекового немецкого господства в результате новой немецкой оккупации;

– отсутствие такого страха перед СССР, поскольку значительная часть населения сохраняла память о Советской Латвии 1919 г. и симпатизировала Советскому Союзу и русскому народу, с которым латышей связывали многовековые исторические и культурные традиции совместного проживания, а также память о том, что именно Россия поддерживала Первую и Вторую Атмоды латышей.

Как отмечает российский историк Ю.Емельянов, подписание 18 июня 1935 г. морского соглашения между Великобританией и Германией означало, что Прибалтика перешла в сферу влияния последней. Экономические позиции Германии в Латвии в середине 1930-х гг. быстро усиливались за счет других стран, прежде всего Великобритании. Если в 1935 г. импорт из Германии в Латвию составлял 37,2 млн. латов, то в 1937 г. – 92,4 млн. латов. В государственном аппарате страны работало более 1000 немцев. Широкое распространение получило утверждение, что «генеральный секретарь латвийского МИДа Мунтерс является германским агентом, а президент Латвии Ульманис всецело зависит от Берлина»⁵. «Ульма-

¹ Vairogs V. Bolševiku gads Jelgavā // Zemgale. 1943. 3. febr.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 113.

³ Там же.

⁴ Выбор был в пользу Советской Латвии // Советская молодежь. 1988. 20 авг.

⁵ Емельянов Ю. Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? М.: «Издатель Быстров», 2007. С. 185, 190–191.

нис за одни лишь проценты, полученные от лицензии на импортируемые в Латвию товары, купил в Германии имение и большой дом в Берлине», – указывает академик А.Л.Дризулис¹.

В 1930-е гг. в германской прессе неоднократно появлялись публикации, в которых утверждалось, что Латвия является «старой немецкой землей», «бывшей немецкой колонией», что она входит в «прежние германские государственные границы». 25 марта 1935 г. во время беседы с министром иностранных дел Великобритании Саймоном А. Гитлер заявил о своем намерении «в ходе борьбы против большевизма... продвинуться в Литву, Латвию и Эстонию» и установить свою власть над проживающими там «варварскими народами». Гитлеру вторил А. Розенберг: «Война между Германией и Советским Союзом неизбежна. Немцы пойдут через прибалтийские государства. Стена новых государств слишком узка, чтобы они могли удержаться при столкновении двух великих держав. Поэтому латыши должны договориться с немцами и стать друзьями и союзниками Германии»².

Особенно активной пропаганда подобных взглядов стала после аншлюса Австрии (март 1938 г.) и Мюнхенской конференции (сентябрь 1938 г.), на которой в пользу Германии был решен так называемый «Судетский вопрос».

Журнал «Дойче арбайт»: «Задачей немцев в Прибалтике является размещение немецких колонистов – немецких крестьян, как это было во время Екатерины II, когда появилась первая немецкая колония в Видземе, так называемая «германская колония». К сожалению, тогда жидкое верхнее сословие (дворяне) без твердого основания (немецкие крестьяне) не сумело онемечить латышей». Теперь, говорилось в журнальной статье, эта задача вновь стоит перед немцами в Прибалтике.

Газета «Дойче альгемайне цайтунг»: «Нет такой силы, которая могла бы вычеркнуть германизм из истории этой земли или оспорить его будущее».

Газета «Магдебургер цайтунг», 28 марта 1938 г.: «Германские народные группы живут у устья Даугавы уже 700 лет, и они поселились там еще тогда, когда там нельзя было найти ни одного латыша».

Журнал «Ост-Европа», январь 1939 г.: «Единственным естественным актом ее [Латвии – В.Г.] будущего может быть только присоединение к Германии»³.

Прогерманская ориентация политического руководства Латвии (Мунтерс назвал Мюнхенские соглашения «историческим событием» и предложил «поздравить их творцов»⁴) шла вразрез с настроениями народа и армии, «обеспокоенной германской опасностью и стремящейся в связи с этим к более дружественным отношениям с СССР». В мае 1937 г. министр обороны Латвии генерал Я. Балодис заявил: «Несмотря на то, что в Советском Союзе существует другой строй, в случае войны необходимо идти вместе с Советским Союзом». 28 октября 1938 г. в беседе с советским полпредом Зотовым генерал Я. Балодис вновь заявил: «У коренных латышей не было и не будет пропольской и немецкой ориентации, особенно в армии... Латышский народ никогда с ними не пойдет, и мы это прекрасно знаем... Наш народ имеет сердечные чувства только к вам – русским, и мы должны с этим считаться»⁵.

В своей оценке настроений народа Латвии генерал Я. Балодис был не одинок. Советник германской миссии в Латвии в беседе с американским посланником утверждал: «80% латышей симпатизирует СССР, а не Германии». Французский посланник в Латвии писал: «Я знаю, что латыши пойдут с Советским Союзом, а если на них нападут, то они уйдут в СССР, так говорят все слои, кроме богатых»⁶.

7 мая 1939 г., т.е. более чем за год до событий лета 1940 г., военный атташе СССР в Латвии полковник Васильев сообщал в Москву: «Общее мнение трудящихся – это скорей бы пришла Красная Армия. Интеллигенция рассуждает так: «Лучше Советская власть, чем немцы»... Трудящиеся массы стоят за прямое присоединение Латвии к Советскому Союзу. Во всяком случае Латвия стоит накануне больших событий»⁷. Такого же мнения придерживался и заведующий отделом Скандинавских и Прибалтийских стран МИД Германии Грундгер, который в начале 1939 г. сообщал своему руководству: «Настроение латышского народа было таким, что в случае если на помощь Латвии против Германии пришла бы Красная Армия, то она была бы встречена населением с распростертыми объятиями». О просоветских настроениях среди населения Латвии сообщала и латвийская полиция. 20 марта 1939 г. начальник охраны Лиепайского района указывал в своем отчете на «резкие антигерманские настроения... Крестьяне готовы бороться с немцами хоть с косами в руках...». 4 апреля 1939 г. начальник тукумской уездной полиции докладывал в Министерство внутренних дел Латвии: «Настроение в настоящее время среди латышского населения, в том числе среди рабочих, таково, что в случае необходимости... все, как один человек, поднимутся на борьбу против Германии». Латвийская полиция признавала в отчете за лето 1939 г.: «Рабочие настроены крайне враждебно к гитлеровской Германии и своим единственным спасителем считают СССР»⁸. Настроения масс в 1939–1940 гг. красноречиво характеризует неожиданное появление на многих улицах Риги утром 1 мая 1940 г. автобусов, задние стенки которых были обклеены плакатами «Да здравствует Советская Латвия! Долой Ульманиса!» Организаторами этой акции были члены рижской организации Союза трудовой молодежи Латвии⁹.

Таким образом, не может вызывать сомнение тот факт, что у событий лета 1940 г. были глубокие внутренние причины, в первую очередь – отсутствие у правящей элиты страны массовой поддержки среди населения, а также страх людей перед угрозой новой немецкой оккупации и симпатии значительной части населения к СССР.

¹ Дризулис А.Л. Латвия под игом фашизма. Рига, 1960. С. 121.

² Там же.

³ Цит. по: Емельянов Ю. Указ. соч. С. 186, 192, 202–203.

⁴ Там же. С. 199.

⁵ Там же. С. 194–195, 199.

⁶ Там же. С. 200.

⁷ Кабанов Н. Тайна сорокового. Папка 2. Доклад полковника Васильева // СМ-сегодня. 1994. 19 авг.

⁸ Цит. по. Емельянов Ю. Указ. соч. С. 200.

⁹ Прибылов В. В лабиринте интриг // Родина 1994. № 2.

Конечный рубеж революционных перемен в Латвии – первая неделя августа 1940 г. Затем общество сталкивается с первыми арестами, иницированными новой властью, и грабительской национализацией, в результате чего эйфория летних надежд быстро улетучивается, и очень многие люди, голосовавшие 14 и 15 июля за Блок трудового народа Латвии, начинают чувствовать себя обманутыми.

Документы свидетельствуют: сталинский СССР был не только заинтересован в политическом контроле над странами Балтии, но и был готов ради этого пойти на вооруженную агрессию¹. Причем эта готовность выражалась во вполне реальных подготовительных мероприятиях. Так, в начале июня 1940 г. замнаркома НКВД СССР Василий Чернышев подписал справку о готовности лагерей военнопленных к приему 38 тыс. человек. 13 июня по штатам военного времени были развернуты десятки эвакуационных госпиталей и военно-санитарных поездов. 14 июня командование Белорусского особого военного округа (БОВО) издало приказ об обращении с военнопленными. 16 июня в БОВО начали создавать трофейные комиссии «для организации учета вооружения, боеприпасов, военно-технического имущества, захваченного на территории противника»².

В то же время, установление политического контроля, по мнению советского руководства, не означало обязательной советизации этих государств и включения их в состав СССР. Как указывает в своих воспоминаниях П.А.Судоплатов, являвшийся в этот период заместителем начальника закордонной разведки НКВД, в июне 1940 г. речь шла о создании в Латвии широкой правительственной коалиции, в которой должны были быть представлены как немецкие, так и советские интересы. Предполагалось, что главой такого правительства может стать министр иностранных дел Вилхелмс Мунтерс – «идеальная фигура» для выполнения этой задачи. Для проведения переговоров по этому вопросу П.А.Судоплатов на борту скоростного бомбардировщика в июне прибыл в Ригу, где вместе с советником советского полпредства Ветровым нанес тайный визит Мунтерсу, выразив во время встречи «пожелание советского правительства как можно скорее произвести перестановки в составе кабинета министров республики, с тем чтобы он, Мунтерс, смог возглавить новое коалиционное правительство»³.

Однако события в Латвии разворачивались не совсем так, как планировали в Москве или Берлине. После ноты от 17 июня К.Ульманис, отказавшись защищать суверенитет государства и, по сути, легитимизировав интересы СССР в Латвии, ушел в отставку. Однако вместо правительства В.Мунтерса было сформировано правительство А.Кирхенштейна. И тут произошло то, что никакими планами не было предусмотрено. Уход К.Ульманиса в отставку с поста главы правительства открыл дорогу долго сдерживаемому народному недовольству против режима. В стране начались массовые манифестации в поддержку перемен. И участвовали в этих манифестациях не только представители национальных меньшинств (как это пытаются представить историки А.Странга и И.Горе в своей книге «Latvija: neatkarības mīkreslis. Okupācija. 1939. gada septembris – 1940. gada jūlijs», Rīga, Izdevniecība “Izglītība”, 1992), но и латыши. «После прихода Красной Армии многие надеялись, что Латвия по-настоящему будет демократической и суверенной. Волнения в народе были, и многие были настроены против режима Ульманиса», – подчеркивает американский историк латышского происхождения Э.Андерсон⁴.

Совершенно очевидно поэтому, что летом 1940 г. в Латвии была революционная ситуация. И именно эта революционная ситуация и предопределила исход состоявшихся 14 и 15 июля выборов в Народный Сейм, при том что в Москве вовсе не были стопроцентно уверены в успехе. П.Судоплатов указывает, что «на первых порах... было неясно, как развернутся события с выборами в Латвии, насколько удастся полностью овладеть ситуацией»⁵.

Почему же в 1940 г. население страны, т.е. как латыши, так и нелатыши, поддержало процесс советизации Латвии? Отвечая на этот вопрос, следует помнить, что провозглашение в ноябре 1918 г. Латвийской Республики и образование опирающегося на поддержку кайзеровской армии правительства Карлиса Ульманиса не пользовались ни малейшим авторитетом среди населения, которое свои предпочтения в этот период отдавало Советской власти. Все историки, которые писали на эту тему и в 20-е, и в 30-е, и в послевоенные годы, единодушно подтверждали тот факт, что у созданного в ноябре 1918 г. правительства Ульманиса не было никакой реальной поддержки в народе. А глава американской миссии в Прибалтике прямо писал об этом правительстве К.Ульманиса: «Нынешнее правительство де-факто Латвии крайне слабо и не представляет латышский народ. Оно было бы немедленно свергнуто, если бы состоялась народная выборы. Оно является самозванным правительством, созданным партийными вождями и людьми, которые взяли дела в свои руки в Риге и впоследствии были изгнаны из города наступлением большевиков»⁶.

Не вызывает сомнения, что память о Советской Латвии 1919 г. часть населения сохраняла и в годы существования Первой Латвийской Республики. А осуществленный К.Ульманисом 15 мая 1934 г. государственный переворот не только не ослабил, а, наоборот, способствовал дальнейшему сохранению и укреплению этой памяти. И эта память – одна из главных причин добровольной советизации Латвии в 1940 г., т.е. создание Латвийской ССР в июле 1940 г. было ничем иным как продолжением советских традиций в Латвии, сформировавшихся еще в 1917–1919 гг.

События 40-го года – это, по сути, провал политики К.Ульманиса по насильственному созданию «Латвийской Латвии». В результате этой политики латвийское общество оказалось расколото не только по национальному, но и по социально-классовому, как тогда говорили, признаку. Рабочий и крестьянский люд, а также часть интеллигенции в массе своей поддержали Советскую власть, так как идеализировали советский строй и надея-

¹ См., напр.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). 2-е изд., испр. и доп. М.: Вече, 2002. С. 162–163.

² СССР и Литва в годы Второй Мировой войны / Институт истории Литвы, Институт всеобщей истории Российской академии наук. М., 2006.

³ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 153.

⁴ Спд. 1988. 20. okt.

⁵ Судоплатов П.А. Победа в тайной войне. 1941–1945 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 108.

⁶ Восстановление Советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР. Рига, 1987. С. 63.

лись на улучшение условий жизни. Какая-то часть интеллигенции надеялась на демократизацию политического режима. Те же, кто преуспевал при авторитарном режиме и ратовал за т.н. «Латышскую Латвию», оказались в незавидном положении, поскольку новая – «рабоче-крестьянская» – власть их не жаловала. И именно эти люди, утратившие после 17 июня 1940 г. свое прежнее материальное и социальное положение, и начали впоследствии говорить об «оккупации» Латвии, поскольку надеялись на возврат для себя старых времен.

Принимая это во внимание, нельзя не прийти к выводу, что предпринятая латвийской официальной исторической наукой после 1991 г. попытка объяснить перемены 1940 г. лишь внешним давлением, т.е. угрозами со стороны сталинского СССР, игнорируя при этом внутривнутриполитические процессы в стране, выполняет, увы, политическую задачу, т.е. необходима для обоснования политического возрождения идеологии и практики недемократического этнократического режима К.Ульманиса в идеологии и практике Второй Латвийской Республики и не имеет ничего общего с объективной оценкой событий.

От пролетарского интернационализма к идее независимости и радикальному национализму

Остается вопрос, почему некоторые участники событий 1940 г., активно выступавшие в то время за Советскую власть – Э.Берклавс, М.Вульфсон и П.Крупников, – после 1991 г. поддержали тезис об оккупации Латвии, а некоторые из них (Э.Берклавс) даже стали приверженцами ультра-радикальных националистических взглядов.

Напомним, что во время дискуссии, организованной в Риге в июле 1989 г., Э.Берклавс откровенно признал, что в 1940 г. был «фанатичным комсомольцем и коммунистом». А М.Вульфсон, первым в Латвии публично заговоривший о пакте Молотова-Риббентропа, отмечал: «Будем говорить совсем честно. Я эти танки [танки Красной Армии – В.Г.] целовал»¹. Что касается Э.Берклавса, то среди факторов, обусловивших изменение его взглядов, был в том числе и крах его личной карьеры партийного и советского руководителя, когда в июле 1959 г. на волне прекращения процесса десталинизации он не только лишился должности заместителя Председателя Совета Министров Латвии и был выведен из состава бюро ЦК КПЛ, но и в административном порядке выслан из республики, и вплоть до 1985 года его имя в Латвии нельзя было упоминать². Но главная причина, приведшая к столь радикальной перемене взглядов Э.Берклавса, М.Вульфсона и П.Крупникова на события лета 1940 г., состоит, очевидно, в том, что они осознали свою ответственность за то, что произошло после 5 августа 1940 г., т.е. за установление сталинского тоталитарного режима и начавшиеся массовые репрессии. И этот комплекс вины у них автоматически наложился и на события до 5 августа, активными участниками которых они все трое были. М.Вульфсон прямо указывал: «...то, что случилось с нами потом, было трагедией для нас всех»³.

Однако такой подход к оценке исторического прошлого нельзя считать объективным, поскольку по этой логике люди должны знать, что случится с ними завтра или послезавтра, а это невозможно. В качестве примера здесь можно привести постановление Верховного Совета Латвии от 15 октября 1991 г. о делении всех жителей страны на граждан и не являющихся гражданами Латвии постоянных жителей. Если бы будущие неграждане знали, что через несколько месяцев пришедшие к власти национал-радикальные политики сделают их людьми без прав, то никто из них, уверен, не голосовал бы за ТАКУЮ независимую Латвию. Но люди не знали этого и именно поэтому проголосовали так, а не иначе. И результат этого голосования, т.е. факт массовой поддержки будущими негражданами идеи независимости, сегодня оспаривать никто не будет.

Так и с событиями 1940-го. Люди тогда не знали и не могли знать, что последует за вступлением Латвии в состав СССР, но надеялись, что жить будет лучше и безопаснее – в Европе ведь шла война. Поэтому только с этой точки зрения и нужно оценивать настроения, которые преобладали тогда в обществе, и решения, которые были приняты. Однако для официальной исторической науки, которая всячески пытается обосновать тезис об оккупации, такой подход сегодня неприемлем, и именно поэтому она замалчивает факт участия летом 1940 г. тысяч людей в демонстрациях под лозунгами, требующими восстановления в Латвии Советской власти и присоединения Латвии к СССР.

Вся правовая система, приобретенная в 1991 г. независимой Латвийской Республикой сегодня опирается на утверждение, что летом 1940 г. Латвия лишилась своей государственности исключительно по вине внешних сил. Под внешними силами понимается «пакт Молотова-Риббентропа», признающийся преступным, вследствие чего правовой статус лишившейся государственного суверенитета и независимости страны следует оценивать как оккупацию, которая длилась вплоть до восстановления государственной независимости летом 1991 г. Отсюда же те жители Латвии, которые стали таковыми после 17 июня 1940 г., и их потомки являются не иначе как оккупантами и потомками оккупантов, и в отношении них абсолютно справедливо применение ограничений в политических и экономических правах, дабы компенсировать то, что за годы оккупации недополучили угнетенные латвийские граждане. Однако эта правовая конструкция при более близком знакомстве с историческими фактами рассыпается в пух и прах. История, увы, свидетельствует, что население Латвии – и в первую очередь латыши – в очередной раз было грубо обмануто политическими силами, пришедшими к власти после 4 мая 1990 г. И цель этого обмана одна – обеспечить перераспределение политической и экономической власти в стране в пользу исповедующей национал-радикальную идеологию новой латышской политической элиты.

¹ Гурин А. Почему они целовали танки? // Ракурс. 2004. 26 июня – 2 июля.

² Очерки истории Латвии. (С 1940 года до наших дней). Брошюра III. Учебное пособие для средней школы. Под ред. М.Вирсиса. Рига: Звайгзне, 1991. С. 133–135.

³ Гурин Александр. Указ. соч.